УДК 94(470.41)“18/19”
EDN GUWVQP
DOI 10.24412/2073-7475-2026-4-164-178

Казанская татарская учительская школа как центр формирования национальной интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.)

Л. Р. Галимзянова, А. Р. Ахметова, Р. В. Кадыров, А. В. Дмитриева,

Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан, Российская Федерация

The Kazan Tatar Teachers’ School as a Center for the Formation of the National Intelligentsia (Late 19th – Early 20th Centuries)

L. R. Galimzyanova, A. R. Akhmetova, R. V. Kadyrov, A. V. Dmitrieva,

Kazan Federal University, Kazan, the Republic of Tatarstan, the Russian Federation

Аннотация

В статье рассматривается история Казанской татарской учительской школы (1876-1917) как ключевого института просвещения татарского народа и центра формирования национальной интеллигенции. Анализируется роль учебного заведения в развитии региональной образовательной системы Российской империи, раскрывается специфика взаимодействия государственной образовательной политики и культурно-образовательных запросов татарского общества. Особое внимание уделяется противоречивому характеру деятельности школы, сочетавшей выполнение имперских задач (в том числе интеграцию «инородческого» населения) с фактической поддержкой национального просвещения и трансляцию этнокультурных ценностей выпускниками в сельские общины. В работе прослеживается эволюция функций Казанской татарской учительской школы: от подготовки педагогических кадров для татарских начальных училищ до становления пространства социальной мобильности и формирования новых идентичностей. На примере судеб выпускников показано влияние школы на становление татарской интеллигенции начала XX в. Исследуется уникальная образовательная среда Казанской татарской учительской школы, в которой пересекались религиозное и светское знание, традиционные и модернизационные подходы, официальные учебные планы и неформальные практики.

Abstract

The article examines the history of the Kazan Tatar Teachers’ School (1876-1917) as a key institution for the enlightenment of the Tatar people and a centre for the formation of the national intelligentsia. The role of the educational institution in the development of the regional educational system of the Russian Empire is analysed, and the specifics of the interaction between state educational policy and the cultural and educational needs of Tatar society are revealed. Special attention is paid to

the contradictory nature of the school's activities, which combined the fulfilment of imperial tasks (including the integration of the "non-Russian" population) with the actual support of national enlightenment and the transmission of ethnocultural values by graduates to rural communities. The paper traces the evolution of the functions of the Kazan Tatar Teachers' School: from the training of teaching staff for Tatar primary schools to the establishment of a space for social mobility and the formation of new identities. Using the examples of the graduates' life stories, the influence of the school on the formation of the Tatar intelligentsia in the early 20th century is demonstrated. The unique educational environment of the Kazan Tatar Teachers' School, where religious and secular knowledge, traditional and modernizing approaches, official curricula and informal practices intersected, is examined.

Ключевые слова
Учительская школа, образование, интеллигенция, педагогический метод, история, воспитанник, национальная замкнутость, реформирование, культурная политика.

Keywords
Teachers' training school, education, intelligentsia, pedagogical method, history, pupil, national isolation, reform, cultural policy.

Введение

На рубеже XIX-XX вв. сфера образования в России и мире переживала период интенсивной трансформации. Действовавшая модель просветительской работы все менее соответствовала динамично меняющимся социально-экономическим условиям, что актуализировало поиск новых решений. В педагогическом сообществе активно разрабатывались альтернативные подходы: обновлялись учебные планы и методические стратегии, внедрялись новые организационные форматы, пересматривались традиционные модели взаимодействия учителя и ученика. Приоритетными становились идеи развития самостоятельности и инициативности учащихся, а также демократизации школьной среды. При этом именно региональные образовательные практики представляют особый исследовательский интерес: они во многом сформировали социокультурные ориентиры национальной интеллигенции начала XX в.

Материалы и методы

В процессе исследования для обоснования выводов был задействован комплекс общенаучных методов. В их числе – аналитический метод, позволяющий выявлять взаимосвязи между явлениями и процессами; метод сравнения, примененный в рамках теоретического анализа; а также эмпирические методы: наблюдение, анализ, описание и обобщение. Теоретическую и методологическую основу работы составили труды российских и региональных исследователей таких как А. А. Корольков[1], С. М. Михайлова[2], Х. Х. Хакимов[3], Р. В. Шайдуллин[4], Р. Р. Исхакова[5], а также диссертационные исследования[6]. Информационную базу сформировали документы Государственного архива Республики Татарстан и публикации из периодической печати.

Литературный обзор

Изучение историографического наследия Казанской татарской учительской школы не имеет однозначного решения и продолжает вызывать научные дискуссии. На раннем этапе изучения (конец XIX – начало XX в.) доминировали

документально-отчетные и публицистические формы фиксации сведений о школе. Источниковая база этого периода включает официальные отчеты инспекторов, протоколы заседаний педагогического совета, формулярные списки преподавательского состава и заявления учащихся. Данные документы составляют архивный фонд[7] и содержат сведения об организации учебного процесса, количественном и социальном составе учащихся, финансовом обеспечении и административных решениях, регламентировавших деятельность школы.

Значимым пластом историографии выступают материалы татарской периодической печати, в частности публикации в газетах «Казанский биржевой листок», «Казанский телеграф», «Волжский вестник», где представители национальной интеллигенции обсуждали задачи и противоречия функционирования Казанской татарской учительской школы. В публицистике прослеживается поляризация мнений: с одной стороны, поддержка модернизации образовательной системы и признание необходимости подготовки квалифицированных учителей, с другой – критика русификаторских тенденций и опасение утраты этнокультурной специфики. Работы педагогов и просветителей того времени содержат оценочные суждения о роли школы в формировании учительских кадров для татарских начальных училищ. Характерной чертой дореволюционного периода является сочетание строгой документальной фиксации с острой общественной дискуссией, в рамках которой школа рассматривалась как пространство столкновения различных образовательных стратегий – государственной политики интеграции и запросов татарского общества на развитие национального просвещения.

В дальнейшем, в советский период (1917-1991), изучение Казанской татарской учительской школы осуществлялось в рамках марксистско-ленинской методологии, акцентировавшей внимание на классовых и национальных противоречиях. Идеологические рамки обусловили определенную ограниченность источниковой базы и тематического спектра исследований: такие аспекты, как религиозное воспитание, повседневная жизнь учащихся, вклад отдельных педагогов в развитие школы, либо замалчивались, либо получали упрощенную трактовку. Важный вклад в формирование фактической базы исследований внесли Х. Х. Хакимов[8] и С. М. Михайлова[9]: ими были систематизированы данные

Казанская татарская учительская школа. 1900 г. ГА РТ, ф. 142, оп. 1, д. 338.

Kazan Tatar Teachers' School. 1900. State Archive of the Republic of Tatarstan, fund 142, series 1, file 338.

о выпускниках, восстановлена хронология ключевых событий и зафиксированы основные параметры учебного процесса.

С 1990-2000-х гг. в изучении Казанской татарской учительской школы произошел существенный методологический и тематический поворот. Исследователи стали рассматривать школу как сложный социокультурный феномен, в котором переплетались государственные задачи и внутренние потребности татарского общества. Важным достижением стала публикация архивных материалов, в том числе сборника документов «Казанская татарская учительская школа 1876-1917 гг.»[10]. Введение в научный оборот первоисточников позволило избежать упрощенных трактовок и сформировать более объективную картину функционирования учебного заведения.

Среди значимых научных работ следует выделить исследования Р. Р. Исхаковой, в частности монографию «Подготовка учителей для татарской и инородческой начальной школы в Казанской губернии (конец XIX – начало XX в.)»[11] и диссертационное исследование Л. Р. Галимзяновой[12]. В работах анализируется, каким образом школа, несмотря на официально декларируемые задачи, объективно способствовала распространению светского образования и внедрению новых педагогических идей в татарскую образовательную среду.

Результаты

Казанская татарская учительская школа была основана в 1876 г. в соответствии с «Положением от 27 марта 1872 года о татарских учительских школах в гг. Уфе и Симферополе»[13]. По завершении обучения выпускники получали звание «учитель начального татарского училища»[14], что свидетельствовало о статусе школы как среднего педагогического учебного заведения. Она стала первым светским образовательным учреждением для казанских татар, готовившим учителей для начальных училищ городов и сел Казанского учебного округа. Выпускники распределялись в частные, земские и министерские школы, в русские классы медресе и работали по всему Поволжско-Уральскому региону.

Возникновение учительской школы в Казани связано с инициативой двух деятелей народного просвещения – попечителя учебного округа П. Д. Шестакова и инспектора, курировавшего татарские, башкирские и киргизские школы, В. В. Радлова. Именно Радлов видел в новом учебном заведении возможность сформировать «главный центр», вокруг которого консолидировалась бы вся сеть татарских начальных училищ[15].

Образование, получаемое в школе, выступало инструментом интеграции татарского населения в общероссийское культурное пространство, одновременно обеспечивая реализацию задач светского просвещения и языковой адаптации. При этом учебное заведение избегало религиозного прозелитизма, сохраняя нейтральную позицию в вопросах вероисповедания. Благодаря усилиям квалифицированных педагогов школа превратилась в площадку формирования передовых педагогических идей в татарской образовательной среде. Ключевой целью ее деятельности являлась подготовка специалистов, сочетавших знание исламских наук с освоением широкого спектра светских дисциплин – в их число входили физика, математика, чистописание, русский язык и отечественная история. Изначально в школу поступали преимущественно юноши из крестьянских семей, но к началу XX в. значительную часть абитуриентов составили

В. В. Радлов. 1900 г. История Академии наук СССР. – М.-Л.: Наука, 1964. – Т. 2. – С. 625.

V. V. Radlov. 1900. History of the Academy of Sciences of the USSR. – Moscow-Leningrad: Nauka, 1964. – Vol. 2. – P. 625.

выпускники медресе, нередко имевшие дипломы мулл и сознательно стремившиеся к светскому образованию. Их целью было изучение русского языка и приобщение к русской и европейской культуре. Многие после окончания школы сдавали экзамены за курс гимназии и поступали в вузы (например, Х. Ямашев). Со временем повышались и требования к поступающим: в начале века на казеннокоштные места (т. е. бюджетные места в учебных заведениях Российской империи (университетах, гимназиях), которые позволяли студентам обучаться и содержаться полностью за счет государственных средств («казны»)), принимали только выпускников двухклассных училищ, а на платные – после окончания одноклассного училища или русского класса медресе[16].

Школа, где одновременно обучалось от 60 до 90 человек, а ежегодный выпуск составлял около 25 специалистов, постепенно завоевала авторитет в Казани, преодолевая сопротивление и недоверие части местного населения[17]. Как отмечала газета «Казанский биржевой листок», «причина та, что казанские татары не отдают своих детей в школу, наивно опасаясь, что там их дети переменят религию, так что дети собственно казанских татар составляют самый ничтожный процент учеников школы»[18]. Учебный год начинался 1 августа и заканчивался 1 июня, срок обучения составлял четыре года[19]. Первый выпуск состоялся в 1880 г. и насчитывал пять человек[20]. До конца 1890-х гг. численность воспитанников оставалась стабильной, но с начала XX в. интерес к школе заметно вырос: в 1901 г. было выпущено 26 учителей, а в 1903 г. – более 40[21].

Судьбы выпускников складывались по-разному. Так, в 1891 г. из 79 выпускников, получивших свидетельство на звание учителя начального татарского училища с момента открытия школы, учительские места в татарских училищах заняли лишь 38 человек[22]. Газета «Казанский телеграф» сообщала, что некоторые выпускники стремились продолжить образование, несмотря на ограничения: например, Садри Максуди учился в Париже, а Исмаил Габитов – в Московской школе ваяния[23].

История школы неразрывно переплетается с деятельностью видных деятелей просвещения, чья работа задавала вектор ее развития. Ключевую роль сыграл В. В. Радлов, отличавшийся последовательными интернационалистскими установками; значительный вклад в формирование просветительской линии внесли татарские педагоги-просветители – М. Махмудов, Ш. Ахмеров, К. Насыри,

И. Терегулов, Ш. Тагири. Их усилия были направлены на выстраивание культурного диалога и приобщение татарского общества к демократическим ценностям русской культуры.

Педагогический состав школы объединял как опытных практиков, так и будущих крупных ученых: в разные годы здесь преподавали В. А. Богородицкий, П. Ф. Ломоносов, Н. М. Любимов, В. П. Брюханов, Д. И. Адо, М. С. Прянишников, позднее получившие профессорские звания и добившиеся признания в науке. Существенную часть методической работы вели авторы научно-педагогических трудов – А. И. Анастасиев, П. В. Траубенберг, Г. Г. Филиппус, И. М. Петяев, М. А. Васильев, Н. Г. Лексин и другие. Большинство этих специалистов являлись выпускниками Казанского университета.

Особого внимания заслуживает связь школы с Казанской лингвистической школой: Ш. Ахмеров, В. А. Богородицкий и А. И. Анастасиев входили в число учеников профессора И. А. Бодуэна де Куртене. Сам ученый в воспоминаниях подчеркивал самостоятельность своих воспитанников: «Мои ученики… получили от меня богатый материал, из которого могли делать выводы по своему усмотрению»[24].

При Казанской татарской учительской школе с 1898 г. ежегодно проводились педагогические курсы[25], предназначенные для повторения и углубления ранее полученных знаний. Их посещали учителя местных татарских школ, бывшие выпускники школы, а также педагоги, приезжавшие со всего Волжско-Камского края. Как подчеркивал Ш. Ахмеров, необходимость таких курсов не вызывала сомнений: «Русско-татарские училища в Казанском учебном округе разбросаны большей частью по деревням, нередко изолированным от русских селений и от центров образованности и просвещения многоверстными расстояниями со всех сторон, так что в течение всего учебного года татарские учителя лишены возможности общения с русским миром и практики в русском языке»[26]. По мнению Ахмерова, учитель татарского училища должен был не только владеть русским языком теоретически и практически, но и активно внедрять его в образовательную среду, выводя учащихся на путь практического использования государственного языка. Это рассматривалось как важнейший фактор сближения мусульманского населения с коренным населением страны и преодоления национальной замкнутости.

Учебный процесс в школе постоянно совершенствовался. Согласно Положению 1872 г., учебный курс включал следующие предметы: в первом классе – русский язык и литературу, математику, вероучение, естествознание; во втором к ним добавлялись география, история, чистописание, рисование, черчение, гимнастика; в третьем – педагогика и дидактика[27].

В. В. Радлов, основатель и первый заведующий учебной частью школы, придавал первостепенное значение подбору кадров и созданию материальной базы. Он видел задачу школы в подготовке людей, способных приносить пользу обществу. По его мнению, школа должна была давать воспитанникам «серьезные научные знания» и обеспечивать «широкое умственное развитие» через разумное обучение. Главной целью образования Радлов считал развитие творческого мышления, поскольку умение анализировать и решать проблемы лежит в основе любой человеческой деятельности. Человек с развитым интеллектом легче

ориентируется в действительности и принимает верные решения в сложных ситуациях, а значит, способен принести больше пользы стране и своему народу[28].

В. В. Радлов рассматривал знание языков как необходимое условие образования, инструмент освоения культуры и средство межнационального сближения. Русский язык он воспринимал как связующее звено между народами многонациональной России. По его убеждению, человек, не владеющий государственным языком, не может быть полноценным и активным гражданином.

Татарские педагоги, работавшие вместе с Радловым, разделяли его стремление вывести татарский народ из состояния национальной замкнутости и повысить общий культурный уровень общества. Они считали, что национальная школа должна обеспечивать не только широкое умственное развитие учащихся, но и прочные знания русского языка.

Обучение в Казанской татарской учительской школе велось на русском языке. В нее поступали 16-17-летние шакирды, которые до этого 7-8 лет обучались в медресе и владели русским языком лишь на базовом уровне – умели читать и писать. Резкий переход на другой язык обучения создавал серьезные трудности: замедлял мыслительные процессы, осложнял усвоение материала и тормозил общее развитие учащихся. Перед педагогическим коллективом стояли две важные задачи: минимизировать негативные последствия такого перехода и помочь воспитанникам быстрее преодолеть языковой барьер, создав условия для эффективного освоения учебных дисциплин.

Особое внимание уделялось преподаванию русского языка, совершенствование методики которого стало одной из главных задач школы. Уровень владения русским языком считался основным критерием эффективности работы учебного заведения. Этот предмет занимал центральное место не только как язык обучения, но и как профессиональная специализация будущих учителей. Конечной целью было формирование у воспитанников способности логично и грамотно излагать свои мысли на русском языке как в устной, так и в письменной форме.

На русский язык отводилось наибольшее количество учебных часов: на первом году обучения – шесть часов в неделю, на втором – пять[29]. На уроках объяснительного чтения и литературы значительное внимание уделялось освоению основного словарного фонда, фразеологии и образцов нормативной русской речи. В. В. Радлов подчеркивал, что «язык чужой может быть правильно усвоен только с помощью систематического курса грамматики», поскольку именно грамматика помогает выявить закономерности и структуру языка, направляя речевую деятельность учащегося. Литература изучалась на протяжении всего срока обучения: в первые два года – по три часа в неделю, в старших классах – по семь и пять часов соответственно. Тем не менее трудности в овладении языком сохранялись на протяжении всей истории школы. Педагоги связывали их с «отсутствием навыка в устной разговорной речи», то есть с нехваткой языковой среды, необходимой для формирования свободного владения языком[30].

В. В. Радлов не только организовал работу школы, но и разработал учебные материалы для преподавания русского языка татарским учащимся. В основу своей методики он положил «натуральный» или «прямой» метод, который в то время противопоставлялся распространенному в российских гимназиях переводно-грамматическому подходу. Впервые этот метод был предложен

немецким филологом Лувье, а в 1872 г. Радлов адаптировал его для нужд школы[31]. Суть метода заключалась в том, что новый язык осваивался через разговорную практику, становясь прежде всего средством общения и выражения мыслей. При этом теоретические и грамматические знания служили опорой для закрепления практических навыков. В Казанской татарской учительской школе этот метод был дополнен оригинальными приемами: переводом терминов и правил на родной язык учащихся, сопоставлением значений слов и т. д.

Радлов выпустил серию учебников и пособий для татарской светской школы. В 1872 г. он издал хрестоматию на татарском языке «Знание», включавшую 162 статьи с базовыми сведениями по естествознанию, русской истории и географии. Этот сборник активно использовался в Казанской татарской учительской школе, русско-татарских училищах и русских классах медресе для практики перевода на русский язык.

Татарский язык как отдельный предмет в учебном плане не значился – это не предусматривалось «Положением 1872 года». Занятия по исламскому вероучению проводились на арабском языке[32]. Как отмечалось в газете «Казанский биржевой листок», «кроме этого нужно иметь в виду, что согласно с мусульманским законодательством ученики исполняют положенные молитвы… Молитвы совершает мулла, законоучитель школы»[33].

Профессиональная подготовка будущих учителей была организована на высоком уровне. Среди специальных дисциплин изучались педагогика, психология и гигиена. Основы педагогического курса заложил В. В. Радлов, опираясь на труды К. Д. Ушинского. После общего курса рассматривалась методика преподавания в национальной школе. Впоследствии преподавание педагогических дисциплин стало обязанностью руководителей школы.

Радлов считал важным условием успешной работы знание преподавателями родного языка учащихся. Учитель должен был иметь возможность помогать ученикам, сталкивающимся с познавательными трудностями, с помощью дополнительных разъяснений или уместных переводов с русского на татарский и наоборот, допуская вопросы и ответы на родном языке. Этой же точки зрения придерживались М. Махмудов и Ш. Ахмеров.

Особого внимания заслуживает опыт школы в организации учебно-воспитательной работы. Большое значение придавалось наглядности обучения. Школа располагала обширной материальной базой: химической лабораторией, образцами различных производств, минералогической коллекцией, физическим кабинетом, стенными таблицами по ботанике и зоологии (немецкого издания), моделями для изучения морфологии растений (заграничного производства), чучелами и костяками животных, историческими картинами Лангля, географическими картами и картинами Лемана, Гирта, Больмана, глобусами[34]. Преподаватели считали, что наглядность усиливает восприятие, делает учебный материал более понятным без лишних слов, облегчает мыслительные процессы и стимулирует интеллектуальную активность. Поскольку обучение велось на неродном языке, потребность в наглядных пособиях была особенно высока. Радлов и Махмудов полагали, что доступность и увлекательность обучения, развитие наблюдательности и воображения, а также формирование навыков самостоятельного получения знаний напрямую зависят от качества материальной базы. Наглядность

рассматривалась ими как важный инструмент решения множества учебных задач[35].

Организация учебного процесса строилась таким образом, чтобы учащиеся не только воспринимали информацию, но и самостоятельно анализировали, сравнивали и приходили к выводам «собственным мышлением» в пределах своих возможностей. Одновременно их постоянно побуждали высказываться и отвечать в зависимости от логики урока. Задача урока состояла не только в передаче знаний, но и в обучении тому, как формулировать, уточнять и выражать свои мысли[36].

Для облегчения усвоения терминологии в учебниках для I и II классов рядом с русским текстом размещался его перевод на татарский язык, выполненный В. В. Радловым и Ш. Ахмеровым. Так были подготовлены издания «Введение в естествознание» Р. Арендта, «География для татар» Е. Зейдлица, «Введение во всеобщую историю» Д. И. Иловайского и другие. Параллельные тексты помогали учащимся лучше понимать русскую терминологию, а при затруднениях – домысливать и переосмысливать содержание. Перевод использовался на уроках, особенно во время самостоятельной работы, что существенно повышало эффективность обучения.

По мнению В. В. Радлова и Ш. Махмудова, для подлинного овладения языком необходимы условия, в которых внимание ученика сосредоточено на выражении содержания мысли с помощью знакомого лексического материала. Такие условия должны имитировать «подобие жизни». Исходя из этого, ученые предложили организовать разговорные и «вечерние» уроки в начальных классах. Методика проведения разговорных занятий была изложена Радловым в пособиях «Разговорные уроки по картинам Винкельмана» и «Материалы для разговорных уроков». В них рекомендовалось проводить такие занятия после уроков объяснительного чтения по той же тематике, активно используя наглядные материалы как основу для бесед и развития речи учащихся.

Разновидностью разговорных уроков были «вечерние уроки» – неформальные беседы в естественных бытовых условиях. Преподаватель, наблюдая за ходом разговора, ненавязчиво направлял его, добиваясь непринужденного и живого общения между воспитанниками. Такой подход основывался на понимании того, что коммуникативная функция языка наиболее полно раскрывается в разговорной речи, возникающей из реальной потребности в общении. Устная речь ситуативна и чрезвычайно подвижна по содержанию, поэтому не всегда поддается строгой логической упорядоченности. Именно поэтому в Казанской татарской учительской школе особое значение придавали балансу между спонтанной речевой практикой и систематической отработкой письменных навыков.

Из письменных работ активно практиковались диктанты, письмо по памяти, изложение содержания, усвоенного на уроке литературного чтения, а также творческие рассказы на заданную тему. В старших классах акцент смещался на сочинения – преимущественно на литературные и педагогические темы[37]. Такой разносторонний подход к изучению языка существенно повышал качество профессиональной подготовки будущих учителей: выпускники не только свободно владели русским языком, но и умели методически грамотно выстраивать работу с учащимися.

Подготовка будущих учителей в школе носила четко выстроенный практический характер и опиралась на продуманную педагогическую логику. В третьем и четвертом классах учащиеся осваивали теоретический курс педагогики, который напрямую увязывался с реальной школьной работой. Со второго полугодия ученики III класса приступали к наблюдению за уроками: они посещали занятия опытных педагогов и своих сокурсников в образцовом начальном училище при школе. Важным элементом практики становилось ведение детальных записей, где фиксировались как удачные методические приемы, так и выявленные недостатки. На последующих обсуждениях студенты активно анализировали увиденное, аргументируя свои наблюдения. Учащиеся IV класса выходили на следующий уровень – в течение года каждый из них проводил собственный урок в образцовом училище. К занятию готовились основательно: разрабатывали подробный конспект, а также изучали записи предыдущего урока, чтобы обеспечить преемственность: усилить удачные находки и скорректировать обнаруженные пробелы. Завершалось обсуждение каждого урока выступлением преподавателя, который давал развернутую методическую оценку. Благодаря такой системе студенты получали целостное представление о годичном цикле работы школы и могли спроектировать собственную педагогическую деятельность[38].

Уже в первые годы работы школа добилась заметных успехов. В 1880 г. школу посетил директор Закавказской учительской семинарии Д. Д. Семенов, его впечатления от первых выпускников оказались исключительно положительными. По словам Семенова, молодые учителя произвели на него неожиданное и сильное впечатление: их отличали не только прочные знания – особенно в области русского языка, естествоведения и политической истории, – но и нравственная зрелость, а также четкие, устоявшиеся убеждения. В итоге он счел их вполне состоявшимися, основательно подготовленными педагогами для народной школы[39].

Театральные постановки превратились в одну из ключевых форм внеучебной деятельности учащихся: через участие в спектаклях школьники не только раскрывали творческие способности, но и активно развивали навыки устной речи на русском языке. Репертуар включал пьесы «Ревизор», «Женитьба» и «Вытуриль», а ход постановок освещался в «Казанском телеграфе». Особенно показательна рецензия, в которой подчеркивалась неожиданная убедительность любительских выступлений: «…некоторые сценки производили такую иллюзию, как-то не верилось, что на этой маленькой сцене играют артисты любители и исключительно татары, не так давно едва умевшие ясно объясняться по русски… О пользе таких спектаклей в школе вообще и в татарской в особенности, нечего и говорить. Желательно только, чтобы повторялись они чаще». В этих словах – признание того, насколько быстро и заметно у учащихся росли языковая уверенность и сценическая выразительность[40]. Театральная деятельность способствовала развитию устной речи, преодолению языкового барьера, а также формированию артистизма и уверенности в себе – качеств, необходимых педагогу.

Учительская школа, действуя в связке с начальными училищами, фактически служила опытной площадкой для отработки решений, востребованных в национальной татарской школе. Педагогические наработки, сформированные в ее

стенах, не копировались механически, а творчески перерабатывались и последовательно внедрялись в практику русских классов при медресе и русско-татарских училищ. При этом, несмотря на постоянную корректировку содержания и форм учебно-воспитательной работы в соответствии с запросами эпохи, фундаментальная педагогическая система, заложенная В. В. Радловым, М. Махмудовым и Ш. Ахмеровым, оставалась неизменной на всем протяжении существования учебного заведения. Деятельность ведущих педагогов была направлена на устранение слабых мест учебного плана и решение насущных проблем татарского образования. Их методические труды не только формировали творческое мышление будущих учителей, но и снабжали их конкретным инструментарием для работы. Кроме того, через организацию курсов и учительских съездов при школе они активно способствовали повышению квалификации действующих педагогов.

За время своего существования (почти 41 год) Казанская татарская учительская школа подготовила 396 специалистов[41]. Основная часть выпускников трудилась в начальных училищах для татар и башкир, где стержнем программы оставались русский язык и арифметика; другие вели занятия в русских классах при медресе – от Пензенской до Томской губернии. Освоив достижения русской методической науки, питомцы школы первыми в истории татарского просвещения целенаправленно обучали детей русскому языку как пути приобщения к русской культуре: распространяли научные знания, переносили в национальную школу классно-урочную систему и принцип наглядности, использовали сознательные методы обучения и звуковой аналитико-синтетический способ обучения грамоте. Тем самым светские татарские школы изначально противостояли мектебам и медресе с их схоластикой и преподаванием на арабском языке, недоступном для детского понимания.

Архивные материалы свидетельствуют о том, что педагоги русско-татарских учебных заведений владели более основательной общей и научно-педагогической подготовкой, чем преподаватели миссионерских школ и ряда других национальных школ края, и добивались в своей работе заметно более высоких результатов. Показательна в этом отношении докладная записка директора народных училищ Казанской губернии А. Никольского, направленная попечителю учебного округа 4 ноября 1892 г.: в ней подчеркивалось, что если сопоставить все «инородческие» училища, то именно в русско-татарских школах и классах преподавание русского языка организовано наиболее правильно. Это при том, что учителям-мусульманам приходится работать в условиях менее благоприятных[42]. В 1903 г. попечитель получил от А. Анастасиева, возглавлявшего народные училища Вятской губернии, сведения о том, что выпускники Казанской татарской учительской школы успешно трудятся преподавателями в мусульманских училищах. Наглядной иллюстрацией служит судьба Тетюшского русско-татарского училища, где преподавал Гайнетдин Ахмаров: в 1900 г. его руководство учебным процессом получило на Всемирной выставке в Париже диплом и почетный отзыв. В татарском обществе хорошо запомнились имена и дела Ю. Салихова, З. Бахтиярова, Г. Кулахметова и других наставников, благодаря которым татарские дети приобщались к светской культуре и актуальным научным представлениям.

Достойно проявили себя выпускники школы и на поприще создания учебных пособий для светских начальных школ. За сравнительно короткий срок ими был подготовлен значительный массив букварей, хрестоматий для чтения и географических учебников. Педагоги-авторы ясно понимали, что начальное обучение в мектебах нуждается в реформировании на светских основаниях.

Наибольшую популярность получили пособия по обучению татарских детей русской грамоте, созданные Г. Н. Ахмеровым (1864-1911) и Ш. И. Ахмеровым (1853-1900). Также, М. Х. Иманаевым были изданы русскоязычные буквари и пособия для чтения. Арифметические учебники на русском языке для татароязычных учеников подготовили Г. Ю. Кулахметов и М. Х. Курбангалиев. Для татарских школ ту же нишу заняли буквари и книги для чтения Ш. А. Тагири и Х. Н. Максудова. «Правила» от 26 марта 1870 г. не включали татарский язык в учебные планы, и именно поэтому выпускники школы настойчиво отстаивали идею преподавания родного языка в мектебе, медресе и русско-татарских заведениях, а параллельно готовили соответствующие учебники и методические разработки. В основе всех изданных ими букварей лежал звуковой метод, а чтение – по образцу школьных книг К. Д. Ушинского и Л. Н. Толстого. Педагогический коллектив Казанской татарской учительской школы основательно укрепил учебно-методическую базу русско-татарских школ, выпустив в свет серию учебников русского языка и литературы, арифметики, а также методические рекомендации для преподавателей.

Заключение

Казанская татарская учительская школа заняла значимое место в истории просвещения татарского народа – это стало возможным благодаря продуктивному взаимодействию русских ученых и татарских педагогов. Учебное заведение стало важнейшей кузницей кадров: его выпускниками были не только первые профессиональные учителя из числа татарского населения, но и видные представители общественной, военной, научной и культурной сфер, а также организаторы системы народного образования. Существенным вкладом школы в просветительский процесс стало распространение современных педагогических подходов в татарском сообществе. Значение этого образовательного учреждения для развития педагогики и просвещения целесообразно рассматривать в трех взаимосвязанных аспектах. Первый – сформированная в школе модель целостного учебно-воспитательного процесса. Второй – методическое и теоретическое наследие преподавательского состава: разработанные ими подходы и принципы нередко носили опережающий характер и выходили за рамки педагогических стандартов эпохи. Третий – профессиональная реализация выпускников, которые не только применяли полученные знания на практике, но и развивали их, тем самым обогащая педагогическую науку и расширяя просветительскую деятельность в регионе. Среди 396 выпускников школы – выдающиеся деятели науки, культуры, политики и просвещения. Среди них: Гаяз Исхаки – писатель и общественный деятель; Садри Максуди – депутат II и III Государственных дум; поэт Сагит Сунчелей; И. Кудашев-Ашказарский – один из основателей профессионального татарского театра, создатель первой татарской театральной труппы «Сайяр»; ученые М. Х. Курбангалеев, Г. Х. Камай, Г. Алпаров, М. Файзуллин; социалисты и революционеры М. Х. Султан-Галеев, Х. Ямашев, Г. Сайфутдинов и другие.

Среди воспитанников школы были и женщины: восемь человек получили звание учителя начального училища, сдав экзамены экстерном. В их числе – Е. Ф. Емельянова, В. Головина, Е. Касимова, М. И. Лаврентьева, Е. Яковлева, М. И. Иванова, Е. Казинна и А. С. Маркелова[43]. Их достижения подчеркивают прогрессивный характер учебного заведения, открывавшего возможности для профессиональной самореализации вне зависимости от пола.

Революционные события 1917 г. коренным образом изменили все сферы общественной жизни, включая систему образования. В соответствии с постановлением Временного правительства от 14 июня 1917 г. Казанская татарская учительская школа была преобразована в учительскую семинарию, что ознаменовало завершение ее исторического этапа как уникального педагогического института.

Казанская татарская учительская школа сыграла ключевую роль в становлении национальных образовательных учреждений. Несмотря на то, что изначально ее создание было обусловлено политикой языковой интеграции, благодаря усилиям талантливых и современно мыслящих педагогов школа превратилась в центр формирования национальной интеллигенции. К концу XIX – началу XX в. она не только готовила квалифицированные педагогические кадры, но и активно продвигала идею важности преподавания на родном языке в национальных школах, закладывая основы для дальнейшего развития многонационального образования в России.

ПРИМЕЧАНИЯ:

1. *Корольков А. А.* Драма русского просвещения. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 35-36.
2. *Михайлова С. М.* Казанский университет и просвещение народов Поволжья и Приуралья. – Казань: Изд-во КГУ, 1979. – 223 с.
3. *Хакимов Х. Х.* Роль Казанской татарской учительской школы в развитии и распространении прогрессивной педагогической мысли среди татар // Из истории педагогики Татарии. – Сб. 2. – Казань, 1972. – С. 3-18.
4. *Шайдуллин Р. В., Аблязов К. А.* Мусульманское религиозное образование в деревне Татарстана (1917-1929 гг.). – Казань, 2004. – С. 12.
5. *Исхакова Р. Р.* Подготовка учителей для татарской и инородческой начальной школы в Казанской губернии (конец XIX – начало XX в.). – Москва: Проспект, 2025. – 120 с.
6. *Галимзянова Л. Р.* Просветительство как фактор становления и развития татарской общественно-политической мысли на рубеже XIX-XX веков: дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2006.
7. ГА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 9940, 9941, 10290, 12908, 12513, 13158, 14154, 15097, 15182, 17777, 19983; оп. 2, д. 663, 7563, 13165; ф. 142, оп. 1, д. 8, 9, 25, 72, 310, 464; *Траунберберг П. В.* Татарская учительская школа в Казани. – Казань, 1890. – 26 с.
8. *Хакимов Х. Х.* Указ. соч. – С. 3-18.
9. *Михайлова С. М.* Указ. соч. – 223 с.
10. Казанская татарская учительская школа 1876-1917 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. сост. *Л. В. Горохова*; сост. Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина; под общ. ред. *Д. И. Ибрагимова*; отв. ред. *Д. Р. Шарафутдинов.* – Казань: Гасыр, 2005. – 256 с.
11. *Исхакова Р. Р.* Подготовка учителей для татарской и инородческой начальной школы в Казанской губернии (конец XIX – начало XX в.). – Москва: Проспект, 2025. – 120 с.
12. *Галимзянова Л. Р.* Указ. соч.
13. ПСЗРИ. – Т. XLVII. – СПб., 1875. – С. 348-351.
14. ГА РТ, ф. 92, оп. 2, д. 7563, л. 46.
15. Там же, оп. 1, д. 13158, л. 6.
16. *Хакимов Х. Х.* Указ. соч. – С. 4-5.

17. Казанский телеграф. – 1897. – № 1480. – С. 2.
18. Казанский биржевой листок. – 1890. – № 29 – 4 февраля. – С. 2.
19. *Хакимов Х. Х.* Указ. соч. – С. 6.
20. ГА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 14154, л. 11.
21. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 25, л. 155155 об.
22. Там же, ф. 92, оп. 1, д. 19983, л. 1-1 об.
23. Казанский телеграф. – 1901. – № 26668. – С. 2.
24. *Михайлова С. М.* Указ. соч. – С. 183-184.
25. ГА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 15097, л. 4.
26. Казанский телеграф. – 1898. – № 1718. – С. 3.
27. *Хакимов Х. Х.* Указ. соч. – С. 8.
28. *Михайлова С. М.* Указ. соч. – С. 179.
29. ГА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 12908.
30. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 8.
31. *Хакимов Х. Х.* Указ. соч. – С. 8.
32. *Рахимов С.Т.* Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII нач. XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С. 71-82.
33. Казанский биржевой листок. – 1890. – № 30. – 6 февраля. – С. 1.
34. *Траунберберг П. В.* Указ. соч. – С. 18.
35. Там же.
36. Там же. – С. 6.
37. ГА РТ, ф. 142, оп. 1, д. 9.
38. Там же, д. 8.
39. Там же, д. 310.
40. Казанский телеграф. – 1897. – № 1511. – С. 3.
41. ГА РТ, ф. 92, оп. 1, д. 19983. л. 1.
42. Там же, л. 3-6 об.
43. Там же, ф. 142, оп. 1, д. 464.

Список литературы

Галимзянова Л. Р. Просветительство как фактор становления и развития татарской общественно-политической мысли на рубеже XIX-XX веков: дис. … канд. ист. наук. – Казань, 2006.

Исхакова Р. Р. Подготовка учителей для татарской и инородческой начальной школы в Казанской губернии (конец XIX – начало XX в.). – Москва: Проспект, 2025. – 120 с.

Корольков А. А. Драма русского просвещения. – СПб.: Алетейя, 2013. – С. 35-36.

Рахимов С.Т. Социально-правовой статус татарских учебных заведений последней четверти XVIII нач. XX вв. // Ислам в татарском мире: история и современность. – Казань, 1997. – С. 71-82.

Шайдуллин Р. В., Аблязов К. А. Мусульманское религиозное образование в деревне Татарстана (1917-1929 гг.). – Казань, 2004. – С. 12.

Казанская татарская учительская школа 1876-1917 гг.: Сборник документов и материалов / Отв. сост. *Л. В. Горохова*; сост. Н. С. Горицкая, Н. А. Шарангина; под общ. ред. *Д. И. Ибрагимова*; отв. ред. *Д. Р. Шарафутдинов*. – Казань: Гасыр, 2005. – 256 с.

References

Galimzyanova L. R. *Prosveshchenie kak faktor stanovleniya i razvitiya tatarskoi obshchestvenno-politicheskoi mysli na rubezhe XIX–XX vekov* [Enlightenment as a factor in the formation and development of Tatar socio-political thought at the turn of the 19th–20th centuries. Cand. hist. sci. diss]. Kazan, 2006.

Iskhakova R. R. *Podgotovka uchitelei dlya tatarskoi i inorodcheskoi nachal'noi shkoly v Kazanskoi gubernii (konets XIX – nachalo XX v.)* [Training teachers for Tatar and non-Russian primary schools in Kazan province (late 19th – early 20th century)]. Moscow: Prospekt publ., 2025, 120 p.

Korol'kov A. A. *Drama russkogo prosveshcheniya* [The drama of Russian education]. St. Petersburg: Aleteiya publ., 2013, pp. 35-36.

Rakhimov S. T. *Sotsial'no-pravovoi status tatarskikh uchebnykh zavedenii poslednei chetverti XVIII – nachala XX vv.* [Socio-legal status of Tatar educational institutions in the last quarter of the 18th – early 20th centuries]. IN: *Islam v tatarskom mire: istoriya i sovremennost'* [Islam in the Tatar world: history and modernity]. Kazan, 1997, pp. 71-82.

Shaidullin R. V., Ablyazov K. A. *Musul'manskoe religioznoe obrazovanie v derevne Tatarstana (1917-1929 gg.)* [Muslim religious education in the villages of Tatarstan (1917-1929)]. Kazan, 2004, p. 12.

Kazanskaya tatarskaya uchitel'skaya shkola 1876-1917 gg.: sbornik dokumentov i materialov. Otv. sost. L. V. Gorokhova; sost. N. S. Goritskaya, N. A. Sharangina; pod obshch. red. D. I. Ibragimova; otv. red. D. R. Sharafutdinov [Kazan Tatar teachers' school 1876-1917: collection of documents and materials]. Kazan: Gasyr publ., 2005, 256 p.

Сведения об авторах

Галимзянова Лилия Рифхатовна, кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета, e-mail: lilgalim@bk.ru

Ахметова Альбина Робертовна, кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета, e-mail: albina-ahmetova303@mail.ru

Кадыров Рамиль Васильевич, кандидат исторических наук, доцент Казанского федерального университета, e-mail: kind2002@mail.ru

Дмитриева Анна Вячеславовна, старший преподаватель Казанского федерального университета, e-mail: annaskills@yandex.ru

About the authors

Liliya R. Galimzyanova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Kazan Federal University, e-mail: lilgalim@bk.ru

Albina R. Akhmetova, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Kazan Federal University, e-mail: albina-ahmetova303@mail.ru

Ramil V. Kadyrov, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor at Kazan Federal University, e-mail: kind2002@mail.ru

Anna V. Dmitrieva, Senior Lecturer at Kazan Federal University, e-mail: annaskills@yandex.ru

В редакцию статья поступила 22.09.2026, опубликована:

Галимзянова Л. Р., Ахметова А. Р., Кадыров Р. В., Дмитриева А. В. Казанская татарская учительская школа как центр формирования национальной интеллигенции (конец XIX – начало XX вв.) // Гасырлар авазы – Эхо веков Echo of centuries. – 2026. – № 4. – С. 164-178.

Submitted on 22.09.2026, published:

Galimzyanova L. R., Akhmetova A. R., Kadyrov R. V., Dmitrieva A. V. *Kazanskaya tatarskaya uchitel'skaya shkola kak tsentr formirovaniya natsional'noi intelligentsii (konets XIX – nachalo XX vv.)* [The Kazan Tatar Teachers' School as a Center for the Formation of the National Intelligentsia (Late 19th – Early 20th Centuries)]. IN: *Gasyrlar avazy – Eho vekov* [Echo of centuries], 2026, no. 4, pp. 164-178.